

УДК 82

СКАЗОЧНЫЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В СБОРНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ В. СОСНОРЫ «ВСАДНИКИ»

© **Болнова Екатерина Владимировна** (2023), ORCID: 0000-0003-4956-642X, SPIN-код: 7779-0276, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), eka332@yandex.ru

В статье рассматриваются конкретные случаи обращения В.А. Сосноры в поэтическом сборнике «Всадники» (1969) к сказочным мотивам и образам. Объектом исследования становятся стихотворения «Последние песни Бояна», «Был крыжовник...», «Первая молитва Магдалине», в которых обращение к сказочным элементам не является организующим весь текст, но позволяет привести дополнительные смыслы и существенно обогатить произведение. Исследовательский потенциал статьи расширяется за счет привлечения стихотворения «Легенда, которую мне рассказали...», в основу художественной системы которого положены образы русалок, широко представленные не только в русском фольклоре, но и в мифологии других народов. Расширенному и подробному анализу подвергается стихотворение «Веснушка-дурнушка», поскольку оно создано с опорой на жанр волшебной сказки. Произведение состоит из шести отдельных стихотворений, связанных единым сюжетом, имеющим сказочную основу. Предметом изучения выступают как элементы, в которых В.А. Соснора следует жанровым канонам сказки, так и те, в которых автор сознательно от них отступает. В каждом случае выдвигается рабочая гипотеза, объясняющая данные отступления. Особое внимание уделяется системе образов, хронотопу, сюжету, функциям героев волшебной сказки и соответствующего стихотворения В.А. Сосноры. В статье демонстрируется значимость фольклорных элементов в творческом мире поэта, о чем свидетельствуют и частотность обращения к фольклорному материалу, и творческая переработка, которой В.А. Соснора его подвергает, пропуская через личное мировосприятие. В статье использованы культурно-исторический, мифологический, описательно-функциональный, сравнительно-сопоставительный, психологический и формальный методы исследования.

Ключевые слова: В.А. Соснора, сборник «Всадники», сказка, фольклор, народное творчество.

В.А. Соснора относится к авторам, для которых взаимодействие с предшествующим культурным полем является очень важным. Естественным поэтому представляется рассмотрение вопроса о фольклорных мотивах и образах, нашедших отражение в поэтическом мире В. Сосноры. Сборник «Всадники» (1969) тематически и образно больше других связан с народным творчеством. При анализе выделяется целый ряд текстов, в той или иной степени связанных с жанром волшебной сказки.

В одной из «Последних песен Бояна» автор обращается к образам Аленушки и брата Иванушки из одноименной сказки или из сказки «Гуси-лебеди»:

И грустить не надо.
Даже
        в самый крайний,
даже
        на канатах
играйте, играйте!
Аленушка,
трудно?
Иванушка,
        украли?
Эх, мильноострунно
играйте, играйте! [Соснора 2018, 39].

Сказочные образы, появившись в приведенном стихотворении в качестве иллюстрации темы несправедливых и незаслуженных страданий, подхватываются в следующих текстах, складываясь в общую картину мира в раннем творчестве В. Сосноры. Так, в произведении «Был крыжовник...» сказка и жизнь формально противопоставляются в финале первой строфы, описывающей реальность, отличную от привычной:

...на мраморной березе
вороны сидели,
вороны сидели,
они целовались,

один ворон черный,
другой ворон белый,
один ворон каркал,
другой кукарекал...
Это в сказке. В жизни
такого не бывает [Соснора 2018, 40].

Однако во второй строфе читательское ожидание, связанное с тем, что житейская картина, в отличие от сказочной, будет более привычной, полностью разрушено:

...на двух муравьях
две вороны ехали,
две вороны ехали,
в клювах по сабле,
одна ворона белая,
другая не малиновая,
а по небу бегала
ворона в туфельках,
из мраморных жилок
плела паутину...
Это в жизни. В сказке
такого не бывает [Соснора 2018, 40].

Оказывается, что жизнь отличается от сказки не степенью реалистичности (и там, и там представлено иносказание), а господствующим пафосом. В сказке представлена картина безоговорочного добра и зла, находящегося в вечной бескомпромиссной борьбе, в то время как в жизни нет разделения на черное и белое, добро и зло. Сказочные вороны превращаются в ворон, белых и «не малиновых», вероятно, «красных». Таким образом, жизнь не реалистичнее, а абсурднее сказки, поскольку в ней отсутствуют те моральные аксиомы, на которых зиждется сказка.

В стихотворении «Первая молитва Магдалине» возникает уже образ сказки как жанра. Сказка сохраняет истинную память о событиях и о человеке:

Но ты мои не променяй
сомнения и сны.

Ты сказку, сказку про меня,
ты сказку сочини [Соснора 2018, 40].

В сборнике «Всадники» В. Соснора обращается не только к сказочному фольклору, но и к фольклору, связанному с низшей демонологией. Так, образ русалки становится центральным в стихотворении «Легенду, которую мне рассказали...». В первой части речь идет о происхождении русалок и об их жизни. Автор использует прием умолчания как организующий данную часть текста. Легенда восстанавливается из контекста, нигде не воспроизводится. Согласно одной из распространенных версий русалками становятся женщины, утопившиеся из-за несчастной любви (в терминологии Д. Зеленина – «заложные покойники», то есть умершие неестественной смертью и не получившие успокоения [Зеленин 1995]):

Легенду, которую мне рассказали,
веками рассказывают русалки.
хвостами-кострами русалки мерцают,
их серьги позванивают бубенцами.
Наследницы слез и последних лишений
вставали над озером в белых одеждах,
наследницы слез и последних лишений,
все женщины чаще,

а девушки реже.

Хвостами-кострами русалки мерцали,
их серьги позванивали бубенцами.
Их озеро требовало пополнения:
пришло и последнее поколение.
Различия – те же, причины – как прежде,
лишь девушки чаще,
а женщины – реже.

Немые русалки плывут по каналам
и рыбе бессмертье свое проклинают... [Соснора 2018, 48–49].

Образ русалок в данном стихотворении носит заметный трагический романтический отпечаток, а об их стремлении навредить живым людям, особенно мужчинам, нигде напрямую не говорится, в то время как в соответствующих фольклорных текстах чаще всего сюжет строится вокруг встречи с русалкой и тех опасных последствий,

которых удалось или не удалось миновать. В стихотворении В.А. Соснора говорится о немоте русалок и об их «рыбьем» бессмертье. Очевидно, что автор меняет местами определения: немота обычно приписывается рыбам, так что логично было бы назвать именно ее «рыбьей», в то время как бессмертье характерно как раз для нечисти, навсегда погубившей свою бессмертную душу. Именно к этой категории и относятся русалки.

Во второй части этого же стихотворения автор проводит параллель между творчеством художника и судьбой русалок:

Художник, не надо к бессмертью стремиться,
русалкой струиться, легендой срамиться [Соснора 2018, 49].

В.А. Соснора проводит параллель между бессмертием в творчестве и бессмертием русалок, так как и то и другое достигается только ценой собственной жизни и не приносит хоть какого-то счастья. Так же, как русалка не может стать женщиной, чьей-то возлюбленной, так и сублимация в творчестве останется лишь бледным отражением реальной действительности. Стоит отметить, что данная позиция не была единственной возможной для В.А. Соснора. В других текстах того же сборника «Всадники» можно встретить и диаметрально противоположные суждения о творчестве и о творческих людях.

Стихотворение «Веснушка-дурнушка» тесно связано со сказочной традицией и по форме, и по содержанию. Текст состоит из шести пронумерованных главок с единым сюжетом. В первой представлен зачин и обозначена система образов:

Друзья!
Наступила эпоха для сказки.
Как было на свете-планете
три царства:
одно – золотое,
другое – другое,
а третье,
        а третье,
конечно же, – третье.
Друзья!
Наступила для были година.

Был царь.
У царя три цареньша-сына:
один – гениальный,
другой – даровитый,
а третий,
                                а третий –
балбес несмышлениш.
Друзья!
Так прославим прекрасную древность.
Как было в трех царствах
три девы-царевны:
одна – василиса,
другая – слабее,
а третья,
                                а третья –
веснушка-дурнушка [Соснора 2018, 49].

Очевидно, что внешне В.А. Соснора ориентируется на соблюдение принципа троекратного повтора, как и других базовых принципов волшебной сказки. Указание на три царства является типичным для волшебной сказки. В.Я. Пропп предлагает следующее толкование данной пространственной характеристики: «Сказка о том, как герой на своем пути попадает в медное, серебряное и золотое царство, по наблюдениям Н.П. Андреева, – самая распространенная сказка на русском языке, и можно предполагать ее известной. Нам кажется, что эти три царства возникли как утроение тридесятого царства. При стремлении сказки все утраивать этому стремлению, несомненно, подвергся и данный мотив, и этим вызвано наличие вообще трех царств. Но так как тридесятое царство золотое, то предыдущие сделаны серебряным и медным. Искать здесь каких-то связей с представлениями о железном, серебряном и золотом веке, вообще с циклом Гезиодовских эр – напрасный труд. Здесь не удастся также обнаружить никаких связей с представлениями о металлах. Здесь можно было бы поставить также вопрос о представлении трех царств как небесного, земного и подземного. Но и эта связь также не подтверждается материалами: медное, серебряное и золотое царства находятся не друг под другом, а одно впереди другого, обычно они все три находятся под землей» [Пропп 2023, 508].

Кроме того, сохраняет В.А. Соснора и функции действующих лиц, характерные для волшебной сказки. Так, хоть и в измененном виде, однако в поэтическом произведении реализуется характерная для сказки функция антагониста главного героя, заключающаяся в похищении невесты. Роль антагониста в тексте В.А. Сосноры выполняет Горыныч. Однако мотив, заставляющий царя отправить сыновей в соседние царства, заключается не в необходимости добыть жен, что было бы типичным для сказки, им движет алчность:

Как царь облачился в парчовое платно,
вещал сыновьям
в Грановитой палате:
– Добудьте царевен,
попользуйте девок,
и, значит, казну
по заслугам поделим [Соснора 2018, 86].

Нарушается в произведении и пространственная характеристика, характерная для сказки. Уже во второй и третьей главках цикла указана Русь как земля, которой правит царь, и пространство за Доном как место обитания царевен и Горыныча.

Как уже было сказано, антагонистом главного героя в произведении «Веснушка-дурнушка» выступает Горыныч, похитивший царевен и спрятавший их в колодце, который сам и охраняет:

Змей выкрал царевен,
упрятал в колодец
и ночью никчемной рукой обнимает [Соснора 2018, 86].

Змей в стихотворении В.А. Сосноры описан в четвертой главке. Там же присутствует мотив сожительства двух царевен с Горынычем:

И Змея зовут,
и лобзают любезно
урода в гнилые щербатые зубы.
И молвят дурнушке:
– Эх ты, дурачина!
Чего сторонись?
Хоть Змей, а мужчина. –

<...> Размлея Горыныч,
ворочает шей,
в истоме
шестнадцать голов наклоня.
Что ни голова,
то страшней и страшнее,
что пасть – то клыкастей,
что губы – слюнявей [Соснора 2018, 88].

Описание змея в русской народной сказке, как отмечал В.Я. Пропп, отсутствует: «Каким же представляет себе создатель или слушатель сказки змея? Оказывается, что змей в сказке, в подлинной народной русской сказке, никогда не описывается. Мы знаем, как выглядит змей, но знаем это не по сказкам. Если бы мы пожелали нарисовать змея только по материалам сказки, то это было бы затруднительно. Но некоторые черты внешнего облика змея все же могут быть вырисованы. Змей прежде всего и всегда – существо многоголовое. Число голов различно, преобладают 3, 6, 9, 12 голов, но попадаются и 5 и 7. Это – основная, постоянная, непременная черта его. Все другие черты упоминаются лишь иногда, иногда они и не приводятся. Так, например, не всегда говорится, что змей – существо летучее» [Пропп 2023, 420–421]. Как видно из сопоставления фольклорного материала и поэтического, В.А. Соснора в целом следует традиции сказки, указывая лишь те черты, которые являются постоянно упоминаемыми при появлении Змея Горыныча, избегая домысливания. Что же касается мотива сожительства похищенной двушки или женщины с похитителем, то он тоже не является чем-то нетипичным для сказки, на что указывал еще В.Я. Пропп в работе «Исторические корни волшебной сказки». Не оспаривает данный тезис и современная фольклористика [Лызлова 2011].

Сюжет стихотворения В.А. Сосноры развивается изначально в рамках типичного для волшебной сказки: сначала со змеем пытаются по-своему сразиться старшие братья главного героя, но закономерно терпят поражение. Нетипичны способы, которыми они намеревались победить чудовище, они, безусловно, являются сугубо авторскими и не связанными со сказкой:

Цареньш
с лицом колдуна и калики
принес, гениальный, Горынычу книги,
большие,
с тиснением и с текстом:
– Отдай, Змей-Горыныч, красивых царевен! –
Цареньш
с лицом без кровинки и смеха
принес музыкальные инструменты,
большой барабан,
многострунные гусли
и что-то без струн – «у бабуся два гуся»:
– Отдай Змей-Горыныч, красивых царевен! –
О молодцы!
Маленькие чародеи!
Горынычу – тьфу! – на дары человечьи.
Вы даром пошли,
черепа поломали
да крови прибавили
в глупую глину [Соснора 2018, 86–87].

В соответствии со сказочной традицией победить змея смог только третий сын, который не предпринимает попыток договориться с чудищем, а вступает с ним сразу в бой. Описание боя, точнее, его отсутствие полностью соответствует сказочной традиции, о чем писал В.Я. Пропп: «Мы ожидаем, что бой, как кульминационный пункт всей сказки, будет описан с подъемом, с деталями, подчеркивающими силу и удалея героя. Но это не в стиле сказки. В противоположность героическому эпосу многих народов, где бой, битва есть центральное место песни и описывается иногда даже с некоторыми длиннотами, сказка проста и коротка. Самый бой подробно не описывается» [Пропп 2023, 426]. В стихотворении В.А. Сосноры показан только исход боя, так как он сам и победа в нем героя предопределены жанром, легшим в основу произведения:

И рухнул Горыныч
под саблей-бедою.
Шестнадцать голов,
что шестнадцать бидонов,

скатились
и, как говорят очевидцы,
катились два месяца в сторону моря.
Катились по травам-муравам зеленым [Соснора 2018, 88].

Самым существенным отступлением от сказочного канона является конец стихотворения В.А. Сосноры. Освободив двух старших царевен, плохо обходившихся с младшей сестрой, младший царевич не смог спасти из колодца третью, так как погиб сам. Нетипичным для сказки является не только смерть главного героя, но и характер смерти:

Одно не домыслил
балбес-несмышлениш –
борец за царевен
с Горыной-неправдой:
его воспитали в духах благовонных,
а умер герой –
от змеиного смрада.
Он умер.
Дурнушка осталась в колодце.
Осталась одна
в затемненном колодце [Соснора 2018, 89].

Однако не приведенный эпизод является финалом стихотворения В.А. Сосноры. В шестом, заключительном, тексте рассказана дальнейшая история третьей сестры, оставшейся в колодце. Произведение перерастает границы сказки, соединяясь сразу с несколькими мифами, осколки которых могут быть выделены в заключительной части. Это и миф о мойрах, прядущих нити судьбы, отголоски мифических представлений о богине Мокоши, миф о Пенелопе, ткущей ковер в ожидании возвращения Одиссея, миф о Прометее, принесшем себя в жертву людям. Однако все эти мифы становятся не живым полотном, а неким застывшим в вечности движением, наподобие остановившегося мгновения в стихотворении А.С. Пушкина «Царскосельская статуя». Завершается сказка-миф В.А. Сосноры следующей картиной:

Согнулась дурнушка
и брякает прялкой.

Ей вечно
умелою прялкою брякать.
Под прялкой
нить с нитью сплетаются плотно,
растут самобранки,
ковры-самолеты...
Ведь знает,
что отберут самобранки,
ведь знает –
не полетит в самолетах,
ведь знает –
уже не придет несмышленьш,
а все же прядет
простофиля-дурнушка, –
прядет,
потому что не прясть не умеет [Соснора 2018, 89].

Если рассматривать стихотворение «Веснушка-дурнушка» как своеобразную притчу, то она рассказывает историю о трагической несвободе настоящих творцов, обреченных отдавать лучшее из того, что они могут создать, тем, кто изначально недостоин никакой помощи с их стороны. Тем не менее пленниками остаются самые достойные, в то время как жадные и корыстные наслаждаются благами жизни.

Источники

Соснора 2018 – Соснора В. *Стихотворения*. СПб., М., 2018.

Литература

Зеленин 1995 – Зеленин Д.К. *Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки*. М., 1995.

Пропп 2023 – Пропп В. *Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки*. М., 2023.

Лызлова 2011 – Лызлова А.С. *Похищение женщины в русской волшебной сказке: к семантике фольклорной коллизии: дисс. ... канд. филол. наук: 25.10.2011*. Петрозаводск, 2011.

FAIRY-TALE MOTIFS AND IMAGES IN THE COLLECTION OF POEMS BY V. SOSNORA "HORSEMEN"

© **Bolnova Ekaterina Vladimirovna** (2023), ORCID: 0000-0003-4956-642X, SPIN-code: 7779-0276, PhD in Philology, assistant Lecturer, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarina Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russian Federation), eka332@yandex.ru

The article deals with specific cases of V.A. Sosnora's appeal to fairy-tale motifs and images in the poetic collection "Horsemen". The object of the study are the poems "The Last Songs of Boyan", "There was a gooseberry ...", "The First Prayer to Magdalene", in which the appeal to fairy-tale elements is not organizing the entire text, but allows you to bring additional meanings and significantly enrich the work. The research potential of the article is expanded by involving the poem "The Legend that I was told ...", the basis of the figurative system of which is based on images of mermaids, widely represented not only in Russian folklore, but also in the folklore of other peoples. The poem "Freckle-Ugly" is subjected to an extended and detailed analysis, since it was created based on the genre of a fairy tale. The work consists of six separate poems connected by a single plot that has a fairy-tale basis. The subject of study are the elements in which V.A. Sosnora follows the genre canons of the fairy tale, as well as those in which the author consciously departs from them. In each case, a working hypothesis is put forward to explain these deviations. Special attention is paid to the system of images, chronotope, plot, functions of the heroes of the fairy tale and the poem by V.A. Sosnora. The article demonstrates the importance of folklore elements in the poet's creative world, as evidenced by the frequency of reference to folklore material and the creative processing to which V.A. Sosnora subjects him, passing through his personal worldview. The article uses cultural-historical, mythological, descriptive-functional, comparative-comparative, psychological and formal research methods.

Keywords: V.A. Sosnora, collection "Horsemen", fairy tale, folklore.

References

(Monographs)

Зеленин 1995 – Zelenin D.K. *Izbrannyye trudy. Ocherki russkoy mifologii: Umershiye neyestestvennoy smert'yu i rusalki* [Selected works. Essays on Russian Mythology: Those who Died unnatural deaths and mermaids]. Moscow, 1995. (In Russian).

Пропп 2023 – Propp V. *Morfologiya volshebnoy skazki. Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [Morphology of a fairy tale. The historical roots of the fairy tale]. Moscow, 2023. (In Russian).

(Thesis and Thesis Abstracts)

Лызлова 2011 – Lyzlova A.S. *Pokhishcheniye zhenshchiny v russkoy volshebnoy skazke: k semantike fol'klornoy kollizii* [The Abduction of a Woman in a Russian Fairy Tale: towards the Semantics of a Folklore Collision]. PhD. Petrozavodsk, 2011. (In Russian).

Поступила в редакцию 25.09.2023